О ПИСАТЕЛѢ, КОТОРЫЙ ЗАЗНАЛСЯ

(ФАНТАЗІЯ)

...Нехорошо, когда писатель имѣетъ много почитателей, нехорошо! Только болотнымъ растеніямъ не вредитъ избытокъ сырости, дубамъ нужно ея вмѣру. — Здѣсь я разсказываю объ одномъ парнѣ изъ писателей, который по дорогѣ къ цѣли своей, неожиданно забрелъ въ трясину популярности, о томъ, какъ смѣшно и нелѣпо онъ велъ себя, наглотавшись тины похвалъ и что произошло съ нимъ, когда голова его закружилась отъ туманныхъ испареній славы. Былъ этотъ парень простодушный, но не совсѣмъ дуракъ, и отличался онъ отъ товарищей по ремеслу тѣмъ, что всегда былъ искрененъ и потому каждый день противорѣчилъ себѣ самъ. Жилъ онъ въ странѣ, литература которой пользовалась всемірной славой и, когда началъ спотыкаться о первые признаки популярности, то отнесся къ нимъ съ негодованіемъ и подумалъ: «Странно!.. въ трубы имъ трубятъ — не слышатъ, ду-

дочка поетъ — радуются...» Парень этотъ не былъ скроменъ, отнюдь нѣтъ! Но, онъ зналъ себѣ цѣну, вотъ въ чемъ дѣло... И еще онъ зналъ, что въ его родной странѣ нѣтъ народа — есть только публика, и что именно публика создаетъ литературныя и иныя репутаціи, а народъ живетъ своимъ бытомъ, писателями пренебрегаетъ, вѣритъ въ колдуновъ, всю жизнь только работаетъ, но всегда голоденъ и всю литературу вмѣстѣ съ другими любимыми публикой искусствами, въ любой моментъ готовъ промѣнять на куль муки... Но хоть мой парень и твердо зналъ все это, однако человѣкъ онъ былъ, и къ тому же всѣ писатели и даже мудрые—люди болѣе или менѣе ограниченные. Онъ началъ чувствовать, что ожесточенное вниманіе публики къ его книгамъ пріятно ему. Онъ сталъ получать отъ читателей лестныя письма... Одинъ читатель писалъ: «Талантливый»... Другой черпымъ по бѣлому выводилъ: «Многоуважаемый»... Какая то читательница писала просто, но сильно: «Душка, спасибо!» Точно писатель то шелку на кофточку ей подарилъ. А одинъ лавочникъ, торговавшій книгами, прислалъ письмо такого содержанія:

М. Г. Господинъ Писатель!

Будучи заинтересованъ, почему это публика такъ здорово покупаетъ Ваши много-

уважаемыя книги, я оныя прочелъ, и изъ меня вылились нежеслѣдующіе стихи:

Какъ лиліи въ болотѣ
Въ душѣ моей унылой
Цвѣли мечты и грезы
О жизни безъ препонъ...
Цвѣли онѣ, но робко
Цвѣли и увядали
И въ тинѣ сердца гнили...
И пахло очень скверно...
Но ты проникъ мнѣ въ сердце,
Своимъ горячимъ словомъ
Какъ искрами осыпалъ
Ты мракъ моей души
И запылалъ я страстью,
Я сталъ безумно храбрымъ
И нынѣ гордо пахну
Паленою свиньей...

Съ истиннымъ почтеніемъ
Сила Коршуновъ.

И много другихъ сладостныхъ знаковъ вниманія получалъ мой писатель отъ публики. А чортъ, вѣрный спутникъ писателя, подсказывалъ ему:

— Не смущайся, дурачекъ, вѣдь это по заслугамъ тебѣ, не смущайся! Ты теперь для публики, какъ молодая любовница разслабленному старику. А также и не притворяйся скромнымъ, ибо— «карась любитъ,

чтобы его жарили въ сметанѣ», — а писатель, чтобы его коптили въ дыму славы. Ха-ха-ха!..

И вотъ паренекъ мой началъ потихоньку высовываться на глаза влюбленной въ него публики. Видитъ — рукоплещутъ они. И сталъ онъ къ этому шуму привыкать, какъ пьяница къ водкѣ, и стало ему безъ рукоплесканій скучновато жить, а съ тѣмъ вмѣстѣ зазнаваться парень сталъ...

Вотъ однажды въ людномъ мѣстѣ толпа публики окружила его, прижала къ стѣнкѣ и, хлопая въ ладоши, одобрительно покрикивала: „Бра-ввa!.. бра-ввa!..“ А онъ стоялъ передъ толпой, умильно улыбаясь, и было ему такъ сладко, точно въ патокѣ варили... Первый разъ видѣлъ онъ публику на близкомъ разстояніи... И вдругъ ему стало неловко передъ нею, даже жутко показалось ему, что сейчасъ начнутъ его щекотать подмышками, и въ головѣ его зароились разныя нелѣпыя мысли. Казалось, что каждый изъ толпы, разглядывая его, мысленно сравниваетъ свои уши съ ушами писателя, желая съ точностью опредѣлить, чьи длиннѣе. И мой парень почувствовалъ, что уши его растутъ, растутъ, достигаютъ гигантскихъ размѣровъ... А публика стоитъ и кричитъ: „Бра-ввo-o!..“ Тогда въ душѣ моего героя загорѣлось зловѣщее сомнѣніе въ принадлежности самому себѣ, и онъ по-

думалъ: „—Они считаютъ меня своей собственностью и сейчасъ начнутъ играть мною, какъ мячемъ...“ А чортъ стоялъ около него и ехидно посмѣивался:

— Хе-хе-хе! гляди-ка, гляди!...

Взглянулъ мой бѣдный парень и видитъ: съ десятковъ возрасла толпа до сотень и все рукоплещетъ. Стоятъ среди нея благовоспитанные потомки Іуды Искаріота, Игнатія Крамолы и всѣхъ христопродавцевъ, стоятъ твердо и тоже рукоплещутъ ему. Глаза публики, какъ сотни иголокъ, воткнулись въ грудь моего героя и онъ смотрѣлъ въ смущеніи на толпу и видѣлъ: вотъ всѣ лица ея слились въ одно огромное, мрачное, рабское лицо и на немъ не было глазъ, а только два мутныхъ пятна на мѣстѣ ихъ и носъ на этомъ лицѣ былъ длиненъ, какъ хоботъ слона.

— Смотри,—сказалъ чортъ, злорадно хихикая,—вожди ея вытянули ей носъ, но не зажгли огня въ сердцѣ ея, и вотъ она слѣпая! И посмотри, какой у нея языкъ, ты посмотри!

Передъ глазами моего героя шевельнулись огромныя чувственныя губы, открывая глубокую черную яму; въ глубинѣ этой ямы ворочалось какое то скользкое, короткое, толстое батало и со смрадомъ выговаривало: „Браво!“ Писатель въ страхѣ закрылъ глаза, чувствуя, что его куда-то всасываетъ. Но когда онъ открылъ ихъ, передъ нимъ сто-

ли люди, самые обыкновенные люди стояли передъ нимъ крѣпкой стѣной, лица ихъ улыбались, глаза сверкали удовольствіемъ дѣтей, увидавшихъ новую игрушку, и все вокругъ него было просто, обычно. Отъ этихъ улыбокъ и ласковыхъ глазъ стало писателю тепло, страхъ таялъ въ сердцѣ его, и ему захотѣлось сказать что-нибудь публикѣ, что-нибудь этакое задушевное. Онъ вздохнулъ, какъ могъ глубоко и сказалъ, прижавъ руку къ своему испуганному сердцу:

— Господа!

— Браво!

— Тсс... тише! Онъ хочетъ говорить.

— Господа! — сказалъ онъ, — вниманье ваше пріятно щекочетъ мнѣ сердце. Я, кажется, понимаю васъ. Когда я былъ маленькимъ и слышалъ военную музыку, я, бывало бѣжалъ за нею, и меня тоже занимала не столько сама музыка, сколько то, какъ солдатъ, играющій на большой трубѣ, надуваетъ щеки... Благодарю васъ господа!

— Бра-воо-оо! — закричала публика.

— Мы любимъ васъ! — громко сказалъ кто-то.

— Спасибо! — сказалъ писатель, растроганный и умиленный.

— Бра-воо!

— Господа! — возносясь куда-то крикнулъ мой герой, — давайте поговоримъ по душѣ!

— Бра-воо !

А чортъ, стоя сзади писателя, все посмѣивался.. Хитрый !

— Я, господа, въ искренность вашего отношенія ко мнѣ вѣрю... Только плохо понимаю, чѣмъ я вызвалъ у васъ столь теплыя чувства. Иногда, знаете, мнѣ кажется, будто вы меня за то любите, что я не ношу сюртука и въ своихъ разсказахъ часто употребляю неприличныя слова. И порой мнѣ думается, что если-бы я научился лирическіе стихи лѣвой ногой писать, вы бы еще теплѣе, еще съ большимъ вниманіемъ относились ко мнѣ...

— Бра-воо ! — крякнула публика.

— И видите ли, мнѣ думается, что вы не настоящіе читатели, а просто почитатели. Читатель онъ знаетъ, что важенъ не человѣкъ, а важенъ духъ человѣческій, и писателя не разглядываютъ, какъ теленка о двухъ головахъ. Онъ его читаетъ, но ему не вѣритъ. Онъ надъ книгой самъ думаетъ: «вотъ это такъ, а это не такъ». А, подумавъ, онъ дѣлаетъ что нибудь хорошее, и потомъ это хорошее называется «исторіей», вы же, господа, творите не исторію, а «скандалы»... И настоящаго читателя совсѣмъ немного на землѣ, а такихъ, какъ васъ, — вонъ сколько... По совѣсти моей, я долженъ сказать, что никакихъ симпатій, и тѣмъ болѣе уваженія, не питаю къ вамъ. Това-

рищи говорили мнѣ, что публику уважать надо, но никто не могъ объяснить, за что? Какъ вы думаете, за что можно уважать васъ?

Писатель замолчалъ, вопросительно посматривая на публику. Она тоже молчала и какъ-бы затуманилась немножко. Откуда-то подуло холоднымъ вѣтромъ.

— Вотъ видите ли,—послѣ долгаго молчанія кротко сказалъ писатель—вы и сами не въ состояніи придумать, за что можно было бы уважать-то васъ.

Какой-то рыжій человѣкъ открылъ ротъ и басомъ молвилъ:

— Мы люди...

— Ну много ли среди васъ настоящихъ то людей? Можетъ быть человѣкъ пять на тысячу найдется такихъ, которые страстно вѣрятъ, что человѣкъ есть владыка и творецъ жизни, а право его свободно думать, говорить, ходить — святое право; можетъ только пять изъ тысячи способно бороться за это право и безъ страха погибнуть въ борьбѣ за него. Большинство изъ васъ рабы жизни или наглые хозяева ея — и всѣ вы кроткіе мѣщане, временно заступающіе должности настоящихъ людей. То, что есть въ васъ человѣческое—только зоологическое— я вотъ смотрю въ ваши тусклые и робкіе глаза и со страхомъ вижу, — какъ мало среди васъ смѣлыхъ, какъ мало честныхъ!

Бѣдна страна моя людьми сильными, а ужъ вновь наступило время, когда ей нуженъ герой...

Человѣкъ двадцать изъ публики повернулись къ оратору затылками и отошли прочь. Онъ же продолжалъ:

— Хорошій, живой человѣкъ всегда куда нибудь стремится, чего-нибудь ищетъ, а вы живете тихо, смирно, неподвижно, такъ, какъ приказываютъ вамъ. Жить вамъ тяжко, думать лѣнь, двигаться вы боитесь. Вокругъ васъ, точно у кокотки въ гостинной бездѣлушки на полочкѣ, торчатъ полусгнившія традиціи да разныя житейскія правила, ни къ чорту не годныя. Все это лишаетъ васъ свободно рукой шевельнуть, но все это ваши маленькіе идолы и вы не смѣете низвергнуть ихъ, хотя они какъ оковы вамъ. И когда вѣтеръ съ поля приноситъ въ затхлый воздухъ вашихъ норъ новые свѣжіе запахи, вы, опасаясь флюса въ сердцѣ, закрываете всѣ форточки. Безпокойства не любите вы, безпокойство пугаетъ васъ. Но вамъ нужно имѣть что-нибудь для разговора, нужно чѣмъ-нибудь занимать вашихъ гостей, какъ нищіе на паперти протягиваете вы руки къ литературѣ, чтобы взять у нея что нибудь для развлеченья. Литература для васъ острая приправа къ прѣснотѣ вашей сумрачной жизни, вамъ нравится, когда пишутъ кровью и желчью, но только нравится.

И ни любви, ни ненависти не возбуждаетъ въ грудяхъ у васъ литература, — ничего кромѣ крика одобренія или хулы.

Вы не люди, вы зрители, публика. Жизнь не дрогнула бы если, бы вы всѣ сразу исчезли изъ нея; провалились бы сразу въ землю—ничего не измѣнится на землѣ. Вы стоики, потому что рабы. Васъ бьютъ—вы молчите, васъ оскорбляютъ—вы улыбаетесь. Васъ возмущаютъ только жены, когда невкусенъ обѣдъ, а страдаете вы отъ жадности къ благамъ жизни, отъ зависти другъ къ другу и отъ несваренія желудка. Когда сапогъ вамъ жметъ ногу—вы стонете: «о, какъ правъ Шопенгауеръ!» А слыша крикъ «свобода»—вы думаете про себя—«что ему Гекуба?..» Чортъ бы всѣхъ васъ побралъ. Если бы вы знали, какъ вы жалки, какъ вы противны, какъ ужасно тяжело жить среди васъ. Вамъ говорятъ—жизнь страшна, жизнь мрачна, она вся сочится кровью. Вы не вѣрите,—ваша жизнь только пошловата и скучна и когда вамъ указываютъ смерть и ужасъ этой пошлости, вы остаетесь спокойными, интересуетесь лишь однимъ, — красиво ли указано? Эстетики, утопающіе въ грязи, хоть бы скорѣе захлебнулись вы ею!...

Публика постепенно таяла. Она не любитъ длинныхъ рѣчей. А чортъ посмѣивался — онъ вѣдь зналъ настоящую цѣну всего

этого. Но ораторъ, увлеченный исполненіемъ своего долга, ничего не замѣчалъ.

— Жизнь—героическая поэма о человѣкѣ, который ищетъ сердца ея и не находитъ, хочетъ все знать и не можетъ, стремится быть могучимъ, какъ Отецъ его на небесахъ, и не въ силахъ побѣдить своей слабости. Слыхали-ли вы что нибудь объ истинѣ, о справедливости, о желаніи видѣть всѣхъ людей земли гордыми, свободными, красивыми?... Вамъ хочется быть только сытыми, жить въ теплѣ, насиловать и развращать женщинъ подъ видомъ любви къ нимъ, вамъ хочется жить спокойно, уютно, потихоньку—вотъ ваше счастье. А желаніе ваше лучшаго счастья — купить на грошъ пятаковъ. Счастье ловятъ крѣпкими, мускулистыми руками, а вы трусливые, слабые, хилые, —вы даже и муху не можете поймать безъ помощи со стороны,— вы и съ мухой сражаетесь посредствомъ ядовитой бумажки „смерть мухамъ“. Мнѣ жалко мухъ! Онѣ жужжатъ и тѣмъ мѣшаютъ спать; но я съ радостью написалъ бы для васъ бумажку „смерть мухамъ!“, чтобы вы, читая ее, отравлялись безпокойствомъ.. Вижу я не правъ здѣсь, вы безпокоитесь. Когда вамъ становится неудобно жить, потому что не хватаетъ жалованья на прокормленіе семьи, или оттого, что вамъ, отъ скуки житья съ вами, измѣняютъ ваши жены,—вы стонете,

философствуете, жизнь кажется вамъ гадкой и тяжелой до поры, пока вамъ не прибавятъ жалованья или вы не найдете себѣ любовницы. И наполняя жизнь старческимъ брюжжаніемъ, скернымъ скрипомъ разочарованія, своими жалобами на нее вы отравляете слухъ вашихъ дѣтей. Вы останавливаете ихъ мысль на мелочахъ жизни, на пошлостяхъ ея, и эта мысль тупится, какъ мечъ, которымъ рубятъ сучья, а не головы.

Потомъ и дѣти, утомленные вашими розсказнями о жизни, которой вы не знаете, тихо идутъ проторенными тропами, преждевременно старенькіе, холодненькіе, дряньненькіе. Идутъ они и ищутъ жизнь теплую, жизнь сытую, жизнь уютную; находятъ ее и существуютъ потихоньку по примѣру отцовъ. Они, какъ свѣжая известка, которой замазали трещину въ старомъ зданіи. Это тяжелое, грязное зданіе, все пропитано кровью людей, которыхъ раздавило; оно сотрясается отъ дряхлости, охвачено предчувствіемъ близкаго разрушенія и въ страхѣ ждетъ только, чтобы съ шумомъ развалиться. И уже зрѣютъ силы для толчка; онѣ наростаютъ, вспыхаваютъ, онѣ едва могутъ сдержать сами себя и то тамъ, то здѣсь вспыхиваютъ пламенемъ нетерпѣнія. Онѣ придутъ; тогда старое зданіе задрожитъ, рухнетъ на голову вамъ и раздавитъ васъ, хотя вы только

за то достойны казни, что ничего не сдѣлали. Но виновныхъ нѣтъ въ жизни.

Публики осталось совсѣмъ немного. Часть ея смотрѣла на писателя съ сожалѣніемъ, —любя читать его разсказы, она съ грустью слушала его рѣчь, ибо въ этой рѣчи не было ничего эстетическаго. Нѣкоторые смотрѣли съ сожалѣніемъ. Всѣмъ было скучно и никто не обижался. Вотъ какой то юноша, нахмурившись, сердито крикнулъ.

— Все это слова. Вы покажите, какая у васъ программа, практика?

А почтенный господинъ замѣтилъ со вздохомъ:

— Эхъ, и я въ молодости былъ романтикомъ...

Дама въ черномъ платьѣ спросила:

— Что онъ это женщинъ ругаетъ?

Чортъ смѣялся.

— Еще нужно сказать вамъ, очень ужъ вы любите быть несчастными. Я думаю, вы это дѣлаете по разсчету: вамъ нечѣмъ возбудить другъ къ другу уваженіе и любовь, вотъ вы и становитесь нарочно несчастными, чтобы возбудить къ себѣ жалость, сочувствіе, дешевенькія эмоціи, которыми вы одинаково образно одѣляете другъ друга и съ той же силой собаченку, когда колесо экипажа раздробило ей ногу. Если бы у васъ было здоровое, цѣльное чувство любви къ жизни! Вѣдь вы не любите жизни, вы бо-

итесь ея, вы тихонько, какъ воръ, отрываете отъ нея кусочки... Кроткіе люди! Бѣдные нищіе! Пошли, Господи, побольше бѣдъ на ваши головы, дабы вы обеспокоились; дай, Боже, множество тревогъ вамъ, чтобы вы ожили!...

Изъ группы людей, стоявшихъ передъ ораторомъ, одинъ обидѣлся и закричалъ:

— Да не всѣ мы таковы... чортъ возьми! Это, наконецъ, несправедливо!

— Господинъ, не требуйте отъ меня справедливости, ея нѣтъ въ жизни, ея нѣтъ пока. Какъ среди васъ можетъ родиться справедливость? И вы всѣ одинаково плохи. Вы—общество, какъ дѣлить васъ на хорошихъ и дурныхъ? Вы всѣ въ юности вооружались знаніемъ, сидя въ школахъ, и всѣхъ васъ учатъ одному и тому же. Я думаю, что вы учились хорошему, ибо увѣренъ, что дурному вы бы не позволили учить себя. Мнѣ трудно представить университетъ, въ которомъ учили бы юношей человѣконенавистному, безстрастному отношенію къ жизни, стремленію къ тепленькимъ мѣстечкамъ и прочимъ премудростямъ. Мнѣ почему-то всегда казалось, что учатъ не тому. Но однако, когда вы входите въ жизнь, всѣ эти мерзости не убываютъ въ ней отъ вашего присутствія. Я не увѣренъ, что вы приносите съ собой свѣженькія пошлости и

этого не буду утверждать. Я только знаю, что въ 25 лѣтъ вы отрицаете собственность, въ 35 лѣтъ у васъ собственные приличные дома. Я знаю, вы умѣете работать на себя, но спрашиваю, что вы сдѣлали для жизни? Вы всѣ одинаково холодно чувствуете, даже тѣ изъ васъ, которые горячо говорятъ. Сколько мерзости вокругъ васъ! Вы пробуете уничтожать ее, вы изгоняете ее вонъ отъ васъ? Нѣтъ! Но лучшіе изъ васъ, я видѣлъ, брезгливо прячутся отъ нея. Стремленіе быть чистенькимъ,—не дурное стремленіе, но честный человѣкъ не боится грязи. Будемъ говорить по совѣсти: въ томъ, что наша жизнь такъ скверна, мы всѣ одинаково виноваты. На землѣ нѣтъ правыхъ, нѣтъ еще!... А откуда у васъ такъ много холопства передъ силой, и гдѣ вы научились рабски бояться за цѣлость вашихъ шкуръ? Я утверждаю: все подлое и отвратительное, что бросается на каждомъ шагу —живо, сильно и такъ ярко цвѣтетъ всюду вокругъ насъ потому только, что опирается на твердую почву, на вашъ страхъ за свои шкуры, на ваши холопскія чувства. Въ позорѣ жизни виноваты мы всѣ одинаково. И если бы я вѣрилъ въ силу проклятья, я бы проклялъ васъ всѣхъ... Но я вѣрю въ нѣчто другое! Скоро придутъ иные люди, люди смѣлые, честные, сильные... скоро...

— Ну будетъ ужъ, — сказалъ чор
улыбаясь.

Мой паренекъ оглянулся. Передъ ним
и вокругъ него не было ни души.

— Странно, — сказалъ онъ, — неужел
они всѣ ушли?... Я еще не кончилъ...

— Они сгорѣли въ огнѣ твоихъ рѣчей
ха-ха-ха!.. Видишь копоть на потолкѣ? Эт
все, что отъ нихъ осталось. Идемъ.

Я не знаю, что было дальше съ моим
геремъ. Мнѣ не хочется выдумывать ко
нецъ этой исторіи, я не предчувствую в
немъ ничего хорошаго для нашего героя
Но я увѣренъ, что нехорошо, когда у пи
сателя разведется много почитателей. И
всякій человѣкъ, имѣющій дѣло съ публикой
долженъ время отъ времени насыщать воз
духъ карболовой кислотой правды вокруг
себя.

Вотъ и все...

Максимъ Гор

Москва. 1901.

Цѣна въ отдѣльной продажѣ 25

Редакторъ-Издатель П. Вир
49, Onex près Genève. S

ТЕКА
ТИЧЕСКОЙ
ЕМИИ.